

Eyforis Lurt

Сказочные Истории

«Автор»

2026

Lurt E.

Сказочные Истории / Е. Lurt — «Автор», 2026

Эти мудрые и светлые притчи учат: счастье не в богатстве, а в умении делиться последним; настоящая дружба способна исцелять; а доброта, проявленная к слабому, обязательно вернется сторицей в трудную минуту. Книга станет идеальным чтением для детей и взрослых, кто хочет ненадолго вернуться в мир чудес и поверить, что даже в обычной жизни есть место маленькому волшебству. Подарите себе тепло этих страниц!

© Lurt E., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Братец Луиджи и серебряный звук	5
Ткачиха Хельга и невидимый плащ	13
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Eyforis Lurt

Сказочные Истории

Братец Луиджи и серебряный звук

Часть первая. Закат мастера

В самой высокой точке долины Валь-ди-Чезано, там, где утренний туман сползает с горных склонов, подобно белому покрывалу, стоял старый дом мастера Луиджи. Дом этот был сложен из грубого известняка, который за долгие годы успел покрыться глубокими трещинами, в которых селился мох и мелкий папоротник. Окна смотрели на восток, чтобы первыми лучами солнца озарялось рабочее место Луиджи — его мастерская, пристроенная к дому в виде большой деревянной веранды, нависающей над обрывом.

Мастер Луиджи было за шестьдесят, хотя выглядел он старше. Его лицо напоминало кору векового орехового дерева — та же иссеченность глубокими морщинами, тот же землистый, теплый оттенок кожи. Глаза его, когда-то ярко-голубые, как небо над Тосканой, теперь выцвели и стали похожи на зимнее утро — светлые, но холодные и чуть слезящиеся от постоянной работы с огнем и металлом. Но главной бедой Луиджи были его руки. Руки, которые он так любил и которыми так гордился, предали его.

В молодости Луиджи считался лучшим колокольным мастером на три округа. Он умел слышать металл. Когда другие литейщики полагались на точные пропорции меди и олова, Луиджи полагался на слух. Он подходил к расплавленной бронзе, застывающей в форме, и прикладывал ухо к деревянной опалубке, словно выслушивал биение сердца будущего колокола. Если звук ему казался слишком высоким, он добавлял горсть припоя; если слишком низким, томным — подмешивал в шихту немного серебра, которое хранил в старом кожаном мешочке. Колокола, вышедшие из его рук, пели в церквях Сан-Джиминьяно, Вольтерры и даже далекой Сиены. Говорили, что звон колокола Луиджи способен разогнать грозовые тучи и успокоить плачущего младенца в люльке.

Но все это осталось в прошлом.

Теперь, когда он брал в руки маленький молоточек, чтобы проверить звучание заготовки, его пальцы начинали мелко, предательски дрожать. Это началось три года назад, после той тяжелой зимы, когда он простыл и долго лежал в горячке. С тех пор дрожь не проходила. Она усиливалась, когда он волновался, и становилась едва заметной, когда он отдыхал, но для работы достаточно было даже легкого тремора. От молоточка, соприкасающегося с металлом, звук получался не чистым, смазанным, будто кто-то тряс камертон во время удара.

В тот день, о котором пойдет речь, Луиджи стоял в своей мастерской и смотрел на недоделанный колокольчик для часовни Святой Екатерины. Заказ был крошечным, на пять килограммов веса, но он не мог сделать его уже третий месяц. Каждая новая попытка заканчивалась одним и тем же: он заливал бронзу, давал ей остыть, снимал формовку, а затем с отчаянием слушал глухой, землистый звук. Он был похож на удар мокрой тряпкой о камень. Не было в этом звуке полета, не было небесной радости.

— Не годен, — хрипло прошептал Луиджи, откладывая колокольчик в кучу бракованных изделий, которых за последние месяцы набралось уже более десятка. Они лежали под навесом, покрываясь ржавчиной и пылью, как кладбище его собственного позора.

В деревушке, которая насчитывала всего сорок дворов, всегда знали, чем живет сосед. И слух о том, что старый мастер «испортился», разнесся быстро. Сначала перестали приходить заказы из других городов. Купец из Сиены, который раньше брал у Луиджи по три колокола в месяц, написал короткое письмо, где сухо сообщал, что нашел другого поставщика. Луиджи

не обиделся, он понял. Затем перестали звать его на праздники — ведь если колокол самого мастера Луиджи не звонит на Пасху, это дурная примета. И, наконец, самые близкие соседи — пекарь Альдо и трактирщик Беппо — стали обходить его дом стороной. Они не говорили ничего плохого, они просто перестали заходить выпить вечером стаканчик красного вина и послушать старые истории.

Одиночество поселилось в доме Луиджи, как холодный сквозняк. Он просыпался по утрам, варил себе горький кофе из рожков, которые молот вручную (потому что старая мельница тоже требовала твердости руки), и выходил на веранду. Там он сидел в плетеном кресле, глядя, как долина постепенно просыпается: как загораются золотые окна домов внизу, как дымок поднимается из труб, как пастухи выгоняют скотину на пастбище. Он смотрел на эту жизнь, но чувствовал себя призраком.

Единственным, кто не отвернулся от него, был Бруно — старый, лохматый осел серого цвета, который стоял в загоне сбоку от дома. Луиджи в молодости спас его от бойни, когда хозяин хотел пустить Бруно на мясо, и с тех пор они жили вместе. Осел был немым свидетелем всех его успехов и провалов. Когда Луиджи браковал очередную работу и швырял молоток об пол, Бруно испуганно прыдал ушами и издавал тихое, сдавленное «и-а», словно пытался сказать: «Ничего, хозяин, переживем».

Но Луиджи знал, что ему уже не пережить этого. Глухой звук металла убивал в нем что-то главное. Он перестал молиться, потому что чувствовал, что Господь больше не слышит его колоколов, а значит, и его молитвы не слышит.

Часть вторая. Чужой мальчик

В полдень этого дня, когда солнце стояло в зените и раскаленный воздух струился над черепичными крышами, Луиджи услышал шаги на каменистой тропе. Шаги были легкими, быстрыми, совсем не похожими на тяжелую поступь взрослых крестьян. Он повернул голову и увидел мальчика.

Это был Энцо — сын вдовы Марии, которая жила на самой окраине деревни, ближе к лесу. Энцо было около двенадцати лет, он был тощим, с вечно взлохмаченными черными волосами и большими, слишком серьезными для его возраста карими глазами. Он часто бегал по горам один, собирал грибы и ягоды или просто бродил, глядя на облака. Взрослые считали его странным, потому что он мог часами сидеть на скале и разговаривать с ящерицами или птицами.

— Добрый день, мастер Луиджи, — сказал мальчик, остановившись у входа в мастерскую. Его голос был тонким, но звонким, как струна.

— Добрый, — буркнул мастер, даже не поворачиваясь. — Если хочешь хлеба, то у меня нет. Если хочешь воды — набери из колодца сам.

Энцо не смутился. Он шагнул ближе и внимательно оглядел разбросанные по верстаку инструменты: длинные щипцы, деревянные молотки, восковые модели и несколько кусков металла. Луиджи не любил, когда кто-то вторгался в его святая святых, но в мальчике не было любопытства собственника. В нем было тихое, созерцательное внимание.

— Я пришел с просьбой, — сказал Энцо.

— Я больше не принимаю заказов, — отрезал Луиджи. — Не видишь, что тут? У меня руки не слушаются. Ступай домой, Энцо, и не отвлекай старика.

Но мальчик не ушел. Вместо этого он развязал старый, застиранный мешок, который висел у него за плечом, и осторожно вытащил оттуда предмет. Это был кусок металла. Он был довольно крупным, размером с большой арбуз, но неправильной формы, неровный, словно обгоревший с одной стороны. Цвет его был странным — не привычный серый или ржаво-бурый, а глубокий, темно-фиолетовый, с редкими серебряными вкраплениями, которые поблескивали на солнце, как россыпь звезд.

Луиджи замер. Сначала он подумал, что мальчик принес какой-то мусор, кусок старого сельскохозяйственного инвентаря, но, присмотревшись, он изменил свое мнение. Поверхность металла была странной — на ней не было следов обычнойковки или штамповки. Вместо этого по всей поверхности шли волнистые линии, похожие на древесные годовые кольца, но металлические.

— Что это? — спросил Луиджи, приподнимая бровь.

— Я нашел это вчера в лесу, за Медвежьим оврагом, — ответил Энцо, ставя кусок на деревянный стол. — Там после грозы обвалился берег ручья, и я увидел, как это блеснит. Я хотел отнести в кузницу к синьору Паоло, но потом подумал, что это должна быть твоя работа.

— Почему моя? — удивился старик.

— Потому что ты умеешь делать колокольчики, — просто сказал мальчик. — А у меня есть корова. Она старая, ее зовут Луна. Она уже плохо слышит и часто теряется в тумане. Я хочу повесить ей на шею колокольчик, чтобы я всегда знал, где она. Сделай мне колокольчик из этого железа. Прошу тебя.

Луиджи тяжело вздохнул. Коровий колокольчик! Это была самая простая, самая примитивная работа, которую обычно доверяли подмастерьям. За шестьдесят лет своей карьеры он отливал огромные, торжественные колокола для соборов, а теперь мальчишка просит его сделать ботало для скота. В другое время он бы обиделся, но сейчас обида была странно смешана с горечью.

— Энцо, — сказал Луиджи как можно мягче, — ты видишь, что тут у меня лежат колокола, которые я должен был сделать для церкви? Они глухие. Моя рука потеряла твердость. Из этого куса ржавчины у меня выйдет только жестянка, которая будет дребезжать, как консервная банка. Иди к синьору Паоло, он кузнец, он сделает тебе подкову для твоей коровы.

— У синьора Паоло руки грубые, — не сдавался Энцо. — Он кует лемехи и гвозди. А колокольчик должен быть живым. Я слышал, как звонили твои старые колокола, когда я был маленьким. Это был самый красивый звук на свете. Он был похож на голос ангела. Пожалуйста.

Эти слова заставили что-то дрогнуть в груди старого мастера. «Голос ангела». Давно он не слышал таких слов. Но глядя на свои дрожащие руки, он понимал, что надежда — это обман. Однако в глазах мальчика было столько веры, что отказать ему окончательно было бы жестоко.

— Оставь свой металл, — сдался Луиджи. — Но предупреждаю: он будет плохим. Я не беру за это денег, потому что стыдно брать деньги за плохую работу. Приходи завтра вечером, заберешь.

Энцо радостно закивал, поблагодарил и побежал обратно вниз по тропинке, легко перепрыгивая камни. Луиджи остался один с этим странным куском фиолетового металла.

Он долго разглядывал его, вертя в руках. Материал казался тяжелее, чем обычное железо, но мягче, чем сталь. На нем не было привычного налета ржавчины, только какая-то странная пленка, похожая на обожженную смолу. Луиджи взял маленький напильник и провел им по краю. Металл поддался легко, оставляя за собой гладкий, зеркальный след, и при этом разнесся в воздухе тонкий, высокий звук, похожий на отдаленный звон комара.

«Странное дело», — подумал Луиджи. — «Может быть, это старый наплавок из домны?» Но он никогда не видел такого цвета. Фиолетово-серебристый оттенок казался ему почти живым.

Он решил не мудрить. Коровий колокольчик делается просто: выковывается форма в виде вытянутой груши, внутрь помещается язык-боек, сверху приделывается ушко для ремня. Луиджи разжег свою маленькую плавильную печь, в которой дрова пылали с особым жаром. Он растопил чугунный тигель, положил туда кусок металла, предварительно разбив его кузнечным молотом на несколько фрагментов.

Металл плавился неохотно. Обычная бронза начинала течь при температуре около 1000 градусов, а этот кусок продержался в огне почти два часа, прежде чем превратился в тягучую,

вязкую жидкость. Она не светилась привычным оранжевым светом, а скорее излучала тусклое, сиреневое свечение, словно внутри нее горела ночная звезда.

Луиджи, преодолевая дрожь в руках, аккуратно залил металл в подготовленную форму из формовочной земли. Он сделал ее наспех, не слишком стараясь придать изящные линии. «Пусть будет так», — подумал он. — «На деревенской корове, которая ходит по грязи, будет висеть простой комок металла».

Когда металл остыл, Луиджи выбил отливку из формы. Колокольчик получился бугристым, некрасивым. Поверхность была покрыта раковинами и неровностями. Мастер попытался зачистить его напильником, но рука дрогнула, и он содрал лишний слой там, где не нужно. В итоге колокольчик выглядел как скомканный огарок свечи. Он был корявый, асимметричный, с заусенцами на краях.

Вздыхнув, Луиджи прикрепил к нему простой железный язычок и подвесил на крюк. Он закрыл глаза и приготовился услышать глухой, тупой стук, который мучил его последние годы.

Он ударил язычком по стенке колокольчика.

И остановился. Сердце его пропустило удар.

Из колокольчика вырвался звук. Это был не звон, это была песня. Чистая, высокая нота «ля» прорезала воздух в мастерской, наполнив каждый угол, каждую трещину в деревянных стенах. Звук был настолько кристальным, что Луиджи показалось, будто с него слетела пыль нескольких последних лет. В этом звуке не было хрипоты, не было глухоты, не было того унылого призыва земли, который его преследовал. Это была абсолютная, математически точная вибрация, которая, казалось, прошла сквозь него насквозь, промывая его кости.

Он ударил еще раз. И снова — та же чистота. Только на этот раз звук был чуть выше, будто колокольчик сам выбирал мелодию.

Луиджи открыл глаза и уставился на уродливый кусок металла. Он не верил своим ушам. Он поднес колокольчик к самому уху и легонько щелкнул по нему ногтем. Внутри раздался тихий, тонкий, чуть дрожащий перезвон, похожий на звон стеклянных подвесок на ветру.

— Но как? — прошептал он. — Я же не старался. Я делал его через пень-колоду. Форма кривая, стенки разной толщины... Так не бывает.

Он вспомнил о куске металла, о его необычном весе и цвете. Что-то щелкнуло в его голове. Он бросился к остаткам того куска, которые не пошли в плавку. Он взял лупу, поднес к свету и пристально взгляделся в структуру. На поверхности он увидел характерные, едва заметные точки — микроскопические крупички, застывшие в расплаве. Это была не простая кристаллическая решетка железа. Он видел такое раньше, всего один раз, когда к нему в молодости пришел странствующий монах с куском камня, упавшего с неба.

— Метеорит... — выдохнул Луиджи.

Железо, пришедшее из космоса. В нем всегда есть высокое содержание никеля и кобальта, иногда примеси иридия. Такое железо не ржавеет веками, оно обладает уникальной звукопроводностью. Но то, что он держал в руках, было чем-то большим, чем просто метеорит. В нем чувствовалась энергия, которую нельзя объяснить физикой. Словно звезда, которая сгорела миллионы лет назад, оставила свой голос внутри этого остывшего осколка.

Луиджи выбежал из мастерской. Ему нужно было проверить этот звук в большом пространстве. Он вскочил на старого Бруно, оседлав его прямо на голую спину (что для своих лет было опрометчиво), и поехал вниз, в деревню.

Часть третья. Звон над долиной

Утро следующего дня было туманным. Такой туман, который бывает только ранней осенью, плотный, как парное молоко. Он стелился по дну долины, и даже крыши домов были видны смутно, будто плыли в белом море.

Энцо, как и обещал, пришел затемно. Он нашел свою корову Луну в загоне — старую, белую с черными пятнами, с печальными добрыми глазами. Луна была для него больше, чем

просто скотина. Она была его другом, его кормилицей, его тихим собеседником. Когда отец Энцо умер от лихорадки три года назад, именно Луна спасла семью от голода, давая молоко, из которого мать делала сыр на продажу.

Мальчик погладил корову по теплой шее и надел на нее широкий кожаный ремень с висящим на нем колокольчиком. Луна мотнула головой, не привыкшая к новому весу, и сделала шаг вперед.

В этот момент Энцо ударил язычок по стенке.

Тишину утра разорвал звук. Он не был громким, нет. Он был пронзительно чистым, пронизывающим туман насквозь. Но странность была в другом: звук не затихал, как обычно затихают колокола. Он разрастался. Он отражался от горных склонов, от влажных листьев деревьев, от туманных капель, висящих в воздухе. Он множился, создавая сложную гармонию, которая поднималась над долиной, как невидимая волна.

Корова, испуганная вибрацией, дернулась и побежала по двору. Но вместо того, чтобы заглушить звук, движение создало новую мелодию — колокольчик зазвенел быстрее, рассыпаясь серебряной дробью, которая напоминала звон горного ручья о камни.

Люди в деревне уже начали просыпаться. Первой услышала звон старуха Роза, которая жила ближе всех к дому Энцо. Она вышла на крыльцо с чашкой горячего молока и замерла. Ей показалось, что она слышит голос своей матери, которая умерла сорок лет назад. Этот звон напомнил ей колыбельную.

— Что это? — прошептала она.

А звук все разливался. Он тек по долине, как река. В нем не было резких, режущих ухо нот. Он был нежным, как прикосновение ветра. Пчеловод Джованни вышел из пасеки и увидел, как его пчелы, обычно беспокойные по утрам, вылетели из ульев и повисли в воздухе, словно слушая. Птицы в лесу замолкли, а потом вдруг запели хором, вторя этому небесному камертону.

Люди собирались на деревенской площади. Они выходили из домов босиком, в ночных рубашках, сонные, но с широко открытыми глазами. Они искали источник звука. Некоторые указывали на небо, думая, что идет служба в церкви, но церковь молчала. Тогда кто-то заметил Энцо, который стоял посреди улицы, а его корова Луна с недоумением крутила головой, и с ее шеи свешивался странный, уродливый, корявый комок металла.

— Он звонит, — сказал кузнец Паоло, который вышел с кувалдой в руке (он чинил плуг ночью). — Послушайте, как он звонит!

Трактирщик Беппо, хромой, весивший под сотню килограмм мужчина, неуклюже побежал к Энцо. Он подошел ближе, остановился в двух метрах от коровы и прикрыл глаза. Звук бил прямо в грудь, разливался по телу теплой волной.

— Мастер Луиджи сделал это, — сказал Энцо тихо. Но его услышали все, потому что в этот момент тишина была абсолютной. — Я отдал ему железо, он сделал колокольчик.

В этот момент на вершине холма показалась фигура старого мастера. Луиджи шел пешком, опираясь на палку. Он выглядел бледным и взволнованным. Он не спал всю ночь, все думал о том чуде. Он боялся, что колокольчик разбился, что это был сон. Но когда он подошел к площади, и звук собственного творения ударил ему в лицо, он остановился. По его щеке скатилась слеза.

— Люди, — сказал он, его голос звучал натужно, как после долгого молчания, — вы слышите это? Это я сделал. Но это не моя заслуга. Это мальчишка Энцо принес мне камень с неба. Железо упало со звезд.

Люди переглядывались. Никто не понимал, что значит «с неба». В их бедном, суровом быту падающие звезды ассоциировались скорее с бедой, чем с чудом. Но звук был настолько прекрасен, что они готовы были поверить в любую сказку.

Беппо, трактирщик, отошел на несколько шагов и крикнул:

— Мастер! Это настоящий колокол? Можно продать его? Я дам тебе за него три золотых монеты!

Энцо испуганно прижал колокольчик к себе рукой:

— Нет! — выкрикнул он. — Это не продается! Это для Луны!

Но уже через мгновение к толпе подошли другие крестьяне. Староста деревни, синьор Маттео, протиснулся вперед. Он был сухопарым, с жестким лицом и цепким взглядом торговца. Он оценил колокольчик взглядом знатока. Даже сквозь уродливую форму он видел качество металла.

— Мальчик, — сказал Маттео официально. — Я понимаю, что это твоя собственность. Но ты понимаешь, что в этой деревне не было такого звона уже сто лет, с тех пор как сгорела старая колокольная? Это может принести нам деньги. Паломники придут, туристы. Мы можем продать этот колокольчик богатому синьору из Флоренции, а на вырученные деньги купить тебе десять коров, новый дом и заплатить за обучение в школе.

Десять коров! Для Энцо это была невероятная сумма. Он посмотрел на свою старую Луну, которая стояла с виноватым видом, чесала копытом землю и жевала свою жвачку. Она не понимала, что из-за ее ошейника разгорелся сыр-бор. Энцо посмотрел на толпу жадных глаз, на руку старосты, которая уже тянулась к ремню, чтобы отстегнуть колокольчик.

И вдруг он почувствовал страх. Это не был страх потерять деньги. Это был страх потерять чудо. В его детской голове произошло простое, но ясное осознание: если колокольчик уедет во Флоренцию, он станет игрушкой для богачей. Он будет висеть на стене кабинета как трофей. Его звук больше никогда не прозвучит над их долиной, не разбудит птиц по утрам, не вернет старухе Розе голос ее матери.

Энцо отступил назад. Его глаза наполнились слезами, но не от слабости.

— Нет, — сказал он твердо, хотя голос его дрожал. — Я не продам его. И ты не имеешь права, синьор Маттео. Это подарок.

Староста нахмурился. Жадность душила его. Он был готов применить силу, ведь мальчишка был просто ребенком. Но тут Луиджи, который все это время стоял молча, вдруг вышел вперед. Он не был сильным стариком, но в его глазах вспыхнул прежний, молодой огонь. Тот самый огонь, который позволял ему усмирять расплавленный металл.

— Оставьте мальчика! — сказал Луиджи громко, так, чтобы все слышали. — Маттео, отойди. Ты слышишь этот звон? Этот звон — не для продажи. Это голос неба. За такие деньги не покупают небесный голос.

— Но он же твой! — не унимался трактирщик. — Ты его сделал, мастер! Ты имеешь право половину!

— Я имею право подарить его тому, кто мне его доверил, — ответил Луиджи. Он повернулся к Энцо и положил свою дрожащую руку ему на плечо. — Мальчик, ты не хочешь продавать его? Скажи им, что ты хочешь.

Энцо вытер глаза рукавом. Его лицо стало решительным.

— Я хочу, чтобы Луна всегда была со мной. Чтобы звон был здесь. Я хочу, чтобы мой колокольчик звал корову, и все слышали его.

В толпе воцарилось молчание. Многие из взрослых начали смотреть на мальчика с уважением. Им было стыдно за свою жадность. Беппо первым сплюнул в сторону и махнул рукой:

— Мальчишка прав. Мы живем в долине, где такой звон — единственная драгоценность. Пусть остается. Айда, народ, по домам! Завтра понедельник, работать надо.

Люди начали расходиться, но в их взглядах, брошенных на корову Луну, уже не было жадности. Было удивление и тихая радость. Они поняли, что чудо остается с ними.

Часть четвертая. Доброта дороже золота

Когда площадь опустела, Луиджи и Энцо остались вдвоем. Солнце наконец-то пробилось через туман, и первый луч света упал на корявый, некрасивый колокольчик. Он заиграл, заблестал своими фиолетовыми и серебряными пятнами.

— Почему ты не отдал его? — спросил Луиджи, сядя на камень у колодца. — Ты мог бы стать богатым. На эти деньги твоя мать могла бы жить без забот.

Энцо присел рядом. Он провел рукой по шее Луны, и та благодарно мотнула головой, отчего колокольчик снова издал тихий, чистый перезвон.

— Мой отец всегда говорил, — начал мальчик, глядя в небо, — что если ты нашел сокровище, ты должен подумать, кому оно нужнее. Мне нужна была только корова. А всей деревне — звон. Я подумал, что если я отдам звон, я ничего не потеряю. А если продам — потеряю все. Ведь я могу купить другую корову, но не куплю этот звук.

Луиджи смотрел на мальчика, и в его груди разливалось тепло, которое он не чувствовал много лет. Он думал о своей жизни, о своей гордыне. Он считал себя великим мастером, но когда дрожь в руках лишила его мастерства, он превратился в злого, одинокого старика. А этот ребенок, у которого не было ничего, кроме старой коровы, оказался богаче его. Потому что он не боялся отдавать.

— Спасибо тебе, — просто сказал Луиджи. И в этом «спасибо» было больше, чем благодарность. Было признание того, что мальчик спас его душу. Ведь если звон еще жив, значит, и мастер жив.

Энцо вдруг спросил:

— А ты можешь сделать из того же железа новый колокол для церкви? Наш старый совсем разбился. Падре Франческо говорит, что у нас нет денег на новый. А если мы повесим новый колокол, он будет звать людей на праздник. Я отдам тебе остатки метеорита. Я взял их с собой.

Он вытащил из кармана еще два небольших куска фиолетового металла, которые не вошли в плавку.

Луиджи взял их в руки. Они были холодные, тяжелые, и от них все еще исходил тот едва уловимый запах гари и звездного ветра.

— Сделай, — попросил Энцо. — Твои руки умеют делать из молчания музыку. Я слышал это сегодня. Даже если ты думаешь, что они дрожат, они все равно умеют слышать. Ты слышал, как зазвенел этот уродливый кусок? Это была музыка. Значит, в тебе она еще жива.

Слеза скатилась по щеке Луиджи. Он не стеснялся ее. Он обнял мальчика и прижал его к груди, чувствуя, как бьется маленькое сердце, полное доброты.

— Да, — сказал он осипшим голосом. — Я сделаю. Я сделаю самый лучший колокол в своей жизни. Для всей деревни. И для тебя.

На следующий день Луиджи начал работу. Он подошел к ней по-новому. Он перестал бороться со своей дрожью. Он принимал ее как часть себя. Он понял, что его руки теперь не могут делать ровные линии, зато могут чувствовать вибрацию. Он отлил колокол, форма которого была нестандартной, как у того маленького колокольчика, но он сделал его большим, весом почти в два центнера. Он работал неделю, не выходя из мастерской. Энцо приносил ему еду, а корова Луна стояла у дверей, и звон ее маленького колокольчика был для Луиджи ритмом работы.

Когда колокол остыл, он повесил его на деревянную раму. И когда они с Энцо ударили в него во второй раз (в этот раз звон был настолько мощным, что листья на деревьях задрожали), долина взорвалась ликующим, праздничным перезвоном. Не было в этом звуке ни печали, ни глухоты. В нем была радость, сила и обещание вечности.

Финал

Прошло три года. Сейчас, когда я рассказываю эту историю, на холме над деревней стоит новая церковная башня. На ней висит колокол небесного цвета, который отлил мастер Луиджи.

Его звон слышен за тридцать километров вокруг, когда дует южный ветер. Всякий, кто слышит его, говорит, что он исцеляет тоску и придает сил.

Мастер Луиджи умер через год после той истории, но он умер счастливым. Его последние дни были наполнены не одиночеством, а приходом людей. К нему снова приезжали за заказами, но он брал только те, которые делал для бедных. Он отказывался от денег, говоря: «Мне заплатил мальчик добротой, и этого достаточно».

Энцо вырос. Он не стал богатым купцом, как предсказывал староста. Он стал учителем в местной школе. Он учит детей читать и писать, а по вечерам играет на маленьком колокольчике, который висит у него в доме. Иногда, когда он звонит в него, к его дому сбегаются не только дети, но и старики. Они говорят: «Эй, Энцо, позвони еще раз, мы хотим вспомнить молодость».

А старая корова Луна? Она прожила еще много лет, и даже когда оглохла и ослепла, она всегда находила дорогу домой, потому что звон ее колокольчика был самым верным ориентиром. Энцо снял колокольчик с ее шеи только после ее смерти, когда она умерла во сне, окруженная заботой.

Сейчас этот маленький, уродливый, корявый колокольчик хранится в стеклянной витрине в школе. На табличке написано: «Здесь лежит голос метеорита. Его нашел мальчик Энцо и отдал мастеру Луиджи. И они поняли, что счастье приходит к человеку не тогда, когда он берет, а когда он отдает. Потому что мальчик оказался добрее золота».

Всякий раз, когда я прохожу мимо этой витрины, я вспоминаю этот рассказ. И я думаю о том, что на самом деле все мы владеем голосом внутри нас. И если мы боимся его отдать, он становится глухим. А если мы находим кого-то, кому можно подарить его безвозмездно, — этот голос становится вечным.

И не важно, дрожат ли твои руки. Важно — бьется ли твое сердце в унисон с добром.

Так что в следующий раз, когда вы услышите звон колокола — обычного, сельского, пусть даже немного хриплого, — прислушайтесь к нему. Возможно, этот звон хранит в себе историю любви, какой не было никогда. Возможно, где-то, в какой-то далекой долине, старый мастер нашел свое счастье в простом даре чужого ребенка.

И это единственное счастье, которое имеет значение.

Ткачиха Хельга и невидимый плащ

Часть первая. Последний моток

Город Олденбург, приютившийся на берегу Ледяного залива, жил по законам суровой северной природы. Здесь зимы длились по восемь месяцев, а лето пролетало как одно мгновение — зеленое, шумное, но быстротечное. Дома здесь строили из толстого бруса, с высокими крышами, на которых скапливался снег, защищая стены от промерзания. Улицы были узкими и кривыми, чтобы ветер с залива не выдувал тепло. И в самом центре этого города, в маленьком домике с синей дверью, жила Хельга.

Хельга была ткачихой. Не просто ткачихой, а лучшей мастерицей во всей округе. Славу ей принесла не изысканность узоров (она не умела вышивать золотом и серебром), а тепло. Шерстяные одеяла Хельги, плотные, упругие, с длинным ворсом, спасали рыбаков в открытом море, когда термометр опускался ниже тридцати градусов. Говорили, что если завернуться в одеяло Хельги, то даже в ледяной пустыне можно проспать спокойно до весны. Ее секрет был прост: она использовала особый способ кручения пряжи — очень туго, в три нити, а затем валяла ткань в горячей воде, отчего та становилась почти как войлок, но оставалась мягкой и дышащей.

Работа Хельги была не просто ремеслом, она была ее жизнью. Она вставала затемно, когда над заливом еще висела серая, свинцовая мгла, и зажигала масляную лампу под высоким потолком. В ее маленькой мастерской стоял тяжелый деревянный ткацкий станок, сработанный еще ее дедом. Шелк и хлопок она презирала — в Олденбурге они были бесполезной роскошью. Она знала толк только в шерсти: овечьей, грубой, с запахом жира и стойла. Эту шерсть она вычесывала длинными гребнями, превращая в облака, затем пряла на веретене, которое гудело монотонно, как осенний ветер.

В этот год зима пришла раньше обычного. Уже в конце сентября ударили первые морозы, и жители города, которые обычно запасались теплыми вещами постепенно, оказались застигнуты врасплох. Хельга работала без остановки. Она отдала последние запасы овечьей шерсти, которую копила все лето, выкупив ее у пастухов с дальних холмов. Она ткала день и ночь, сбивая пальцы в кровь о грубую основу, но не останавливалась. Она знала, что холод не прощает слабости.

К ноябрю ее закрома опустели. Полки, где обычно лежали ровные, аккуратные рулоны готовых одеял, были пусты. Пусты были и закрома, где хранилась непряденная шерсть. Даже пыль в углах была выметена и, возможно, содержала несколько драгоценных волокон, которые она уже давно собрала и спрятала в специальный мешочек «на черный день». Но черный день наступил, и мешочек был пуст.

Хельга сидела в своей холодной мастерской и смотрела на пустой станок. В городе больше не было ни одного клочка шерсти. Купцы из южных земель, которые обычно привозили товар в начале зимы, застряли в снегах за перевалом. Местные пастухи уже зарезали большую часть овец, потому что нечем было кормить, и шерсть, которая была сострижена летом, уже давно была выкуплена городской гильдией и перепродана с огромной наценкой. Хельга не могла позволить себе купить даже пучок грубой козьей шерсти.

Но самое страшное было не в этом. Хельга привыкла жить скромно. Она могла бы поесть кашу из овсяных хлопьев без масла, пережить голодную зиму. Беда была в том, что наступила зима, и люди, которые не успели купить одеяла, мерзли. Соседи стучали в ее дверь, но она разводила руками и показывала пустые полки. Ей было стыдно. Она, лучшая ткачиха, сидела без работы, пока старики в соседних домах кутались в рваные плащи и грелись у жалких очагов. Она чувствовала себя предательницей.

В тот вечер, о котором пойдет речь, ветер с залива дул особенно пронзительно. Он пронизывал даже плотные стены Олденбурга, забирался в щели и завывал в трубах, как живое существо. Небо было низким и черным, без единой звезды. Хельга сидела у своего холодного очага, пытаясь согреть руки о чашку с травяным отваром. Она уже съела последний кусок черствого хлеба и понимала, что завтра нужно идти просить милостыню, а это было для нее хуже смерти.

Вдруг она услышала звук. Это был не вой ветра. Это был стук. Слабый, неуверенный, но настойчивый. Стук в дверь.

Хельга вздрогнула. Кто мог прийти в такую метель? Она медленно поднялась, запахнула старую шерстяную шаль (последнее, что у нее осталось из хорошего) и подошла к двери. Она отодвинула тяжелый деревянный засов, и дверь распахнулась.

На пороге стоял старик.

Он был согнут, как старая ива. Его лицо было изборождено морщинами, настолько глубокими, что в них можно было спрятать спичку. Одежда его была жалкой — ветхая холщовая рубаха, продуваемая насквозь, и рваный плащ, который не спасал ни от ветра, ни от снега. Он дрожал так сильно, что слышно было, как стучат его зубы. На его голове не было шапки, а седые волосы слиплись от изморози. В руках он сжимал посох, но руки тряслись так, что посох стучал по каменным ступеням.

— Пусти, добрая женщина, — прошептал старик. Голос его был похож на шорох сухих листьев. — Я иду издалека. Я потерял дорогу. Ветер рвет мою одежду. Дай мне укрыться, хотя бы до утра.

Хельга смотрела на него. Ее сердце сжалось. Она видела его голые, синие от холода руки, его тонкую шею, покрытую синими прожилками. Он был беден, как нищий, и выглядел так, будто не ел уже несколько дней.

Но в ее доме не было ни крошки хлеба, ни дров, чтобы разжечь огонь. В углу лежала лишь куча шерстяных обрезков — тех, что остались от раскроя одеял. Это был мусор, который она собиралась выкинуть весной. Но Хельга, глядя на этого старика, почувствовала, что не может оставить его умирать на пороге.

Она схватила его за руку и втащила внутрь.

— Заходи, заходи скорее! — сказала она.

Старик вошел, спотыкаясь. Он оглядел пустую комнату, очаг, в котором не было огня, и его лицо стало еще печальнее.

— У тебя самой ничего нет, — сказал он тихо. — Я вижу. У тебя даже дров нет. Зачем ты пустила меня?

— Потому что у тебя нет даже этого, — ответила Хельга, глядя на его рваный плащ. — Ложись сюда.

Она сняла с кровати свою единственную подушку и расстелила на полу старый тюфяк. Но этого было мало. Ей нужно было чем-то его укрыть. Хельга оглянулась вокруг и поняла, что у нее остался только один моток пряжи. Это был последний моток! Она планировала соткать из него шарф для себя, чтобы не умереть от холода на улице. Но старик дрожал так, что его зубы выбивали дробь. Он мог умереть прямо сейчас.

Хельга сняла с себя шерстяную шаль — единственную свою драгоценность — и накинула ему на плечи. Старик покачал головой:

— Нет, дочка. Ты замерзнешь.

— Я моложе тебя, — твердо сказала Хельга. — Я переживу.

Но шаль была тонкой. Старику нужно было что-то более теплое. Хельга села за станок. Она взяла свой последний моток шерсти — теплый, пушистый, белый как снег, — и начала ткать. Она работала быстро, отчаянно. Она знала, что это ее последняя работа. Она не будет греть ее, она будет греть его.

Она ткала всю ночь. Руки ее болели, спина затекла. Она слышала, как старик кашлял в углу, как его тело била дрожь, но она не останавливалась. К утру, когда первые серые лучи света проникли через заиндевевшее окно, она закончила. Это было небольшое одеяло, не такое плотное, как обычно, но достаточно теплое, чтобы укрыть больного.

Хельга подошла к старику и укрыла его этим одеялом. Старик открыл глаза. Его взгляд был ясным и глубоким, как горное озеро.

— Спасибо тебе, — сказал он. — Ты отдала последнее.

— Я бы не простила себе, если бы ты умер, — просто ответила Хельга. — Спи.

Она сама села у стены, укрывшись только своей старой, выцветшей юбкой, и закрыла глаза от усталости. Она провалилась в глубокий, тяжелый сон.

Когда она проснулась, старика не было. Место, где он лежал, было пустым. Одеяло, которое она ткала всю ночь, исчезло. Даже шаль, которую она накинула ему на плечи, исчезла. Но на полу, там, где лежал старик, лежало что-то странное. Несколько мотков пряжи. Они переливались на утреннем свету, как драгоценности. И цвет их был невиданным — от бледно-голубого до огненно-оранжевого, как радуга после грозы.

Хельга подошла ближе. Она подняла один моток. Он был тяжелым. И от него исходило тепло. Она прикоснулась к нити пальцами, и по телу пробежала приятная дрожь. Это была шерсть. Но не простая. Внутри каждой нити, казалось, был заперт солнечный луч.

Она не понимала, что произошло. Она была уверена, что старик был просто беглецом или нищим. Но как он мог оставить здесь эту пряжу? И куда он делся? Следов на снегу не было, хотя за ночь выпало с полметра снега. Хельга вышла на порог и посмотрела на пустую улицу. Следов не было. Только свежий снег, чистый и нетронутый.

Она вернулась в дом и присела на корточки перед пряжей. Она взяла одну нить, поднесла к окну и растянула между пальцами. Нить засветилась изнутри. Она была почти прозрачной, но в ней играли тысячи искр, словно это была застывшая полярная ночь.

— Это волшебство, — прошептала Хельга. — Но чье?

Она вспомнила старика. Его глаза. В них было столько мудрости, столько терпения. И тепло, которое исходило от него, было не обычным. Когда он сидел в ее доме, ей казалось, что в комнате стало светлее. Хельга поняла, что это был не простой странник. Старики в горах часто рассказывали легенды о духах, которые бродят по земле и проверяют сердца людей. Если сердце доброе, они оставляют дар. Если злое — забирают удачу.

«Я отдала ему последнее одеяло», — подумала Хельга. — «И это вернулось ко мне в сто раз сильнее».

Но она не знала, что делать с этой удивительной пряжей. Она была слишком красивой, слишком хрупкой, чтобы ткать из нее одеяла для нищих. Хельга положила мотки на полку и решила, что сначала разберется с делами — нужно идти просить еду у соседей, иначе она умрет с голоду.

Но не успела она надеть свой поношенный плащ, как в дверь снова постучали. На этот раз стук был громким, властным, с металлическим отзвуком. Стучали тяжелым кольцом, которое носят на рукавицах городские стражники.

Хельга открыла дверь и чуть не упала на колени.

На пороге стоял бургомистр Олденбурга. Его звали Клаус Штерн. Он был высоким, грузным мужчиной с жестким лицом, обрамленным седой бородой. На нем был тяжелый, отделанный мехом плащ, от которого исходил запах дорогого воска и кожи. За его спиной стояли два стражника в кольчугах, с мечами на поясах.

— Хельга, пряха, — сказал бургомистр басовито, не здороваясь. — Слушай меня внимательно.

Хельга испуганно кивнула. Она не знала, чем могла прогневать начальство. Может быть, она нарушила правила гильдии? Или не заплатила налог? Ее сердце билось о ребра.

— Я слышал, что ты лучшая ткачиха в городе, — продолжал бургомистр, не замечая ее страха. — Мне нужна твоя помощь. Через месяц в Олденбурге состоится большой парад. В город приезжает король. Я должен идти впереди процессии. Мне нужен плащ. Не простой плащ, а особый. Сшей мне плащ, но так, чтобы он был невидим для врагов.

Хельга открыла рот, чтобы сказать что-то, но слова застряли в горле. Невидимый плащ? Как можно сшить невидимый плащ? Ткань либо есть, либо ее нет. Она не была волшебницей, она была ткачихой.

— Господин бургомистр, — начала она робко. — Я... я не знаю, как это делается. Я никогда не ткала невидимую ткань. Может быть, вы имеете в виду плащ, который хорошо маскирует в лесу? Камуфляж?

— Я имею в виду то, что говорю! — рявкнул Штерн, и его глаза сузились. — Я слышал, ты делаешь необычные вещи. Говорят, ты ткала одеяло для какого-то нищего. Говорят, оно было невидимым.

Хельга застыла. Откуда он знает? Она только что проснулась, еще никто не знал о старике. Но слухи в маленьких городах бегут быстрее ветра. Должно быть, кто-то видел, как старик входил в ее дом.

— Я... это было просто одеяло, — запинаясь, ответила Хельга. — Я просто отдала последнее...

— Тем лучше, — перебил бургомистр. — Значит, у тебя есть опыт работы с... необычными материалами. Вот тебе задание. Если выполнишь, получишь золотом столько, что сможешь купить весь город. Если нет... — он сделал многозначительную паузу, — я отправлю тебя в тюрьму за мошенничество и обман гильдии.

Хельга побледнела. Она поняла, что отказаться не может. Бургомистр был известен своей жестокостью. Он мог высечь ее на площади или просто бросить в темницу, где не было даже соломы.

Она опустила глаза и сказала:

— Я сделаю, что смогу.

— Хорошо, — кивнул бургомистр. — У тебя есть ровно три дня. Срок до парада. Если плащ будет готов, ты станешь богатой. Если нет — пеняй на себя.

Он развернулся и вышел, тяжело топая сапогами. Дверь захлопнулась, оставив Хельгу в полном одиночестве, дрожащей от страха и непонимания. Что она наделала? Она никогда не видела такой ткани, которую можно было бы сделать невидимой. Наверное, это шутка, или бургомистр сошел с ума. Но она знала, что шутки в Олденбурге заканчиваются виселицей.

Она подошла к станку и села. Ее руки тряслись. Вся ее жизнь, ее мастерство, ее честь — все висело на волоске. Что она может сделать? Единственное, что у нее есть, — это та странная волшебная пряжа, которую оставил старик. Но как из нее сшить плащ, который сделает человека невидимым? И главное — невидимым для врагов? Враг — это солдат с мечом, разбойник с ножом, предатель с ядом. Как ткань может защитить от этого?

Хельга взяла один моток в руки и посмотрела на его переливающуюся поверхность. И вдруг она вспомнила. Она вспомнила, как старик сказал ей на прощание: «Ты отдала последнее без сожаления. И это изменило все». В этой фразе было что-то глубокое, что-то, что она не могла понять сразу.

«Невидимый для врагов, — пробормотала она. — Но враг — это тот, кто хочет зла. Что, если плащ нужно сделать невидимым не для глаз, а для сердец? Что, если он должен отражать не свет, а намерения?»

Она решила попробовать. Она села за станок, заправила основу, но не так, как обычно. Она взяла одну волшебную нить и пропустила ее через челнок. Когда ткацкий станок застучал, он издал необычный, певучий звук. Из-под челнока выходила ткань. Она была почти прозрачной, как стекло или лед. Тонкая, легкая, как паутинка.

Хельга ткала два дня. Она не спала, не ела, только пила воду, чтобы не умереть от жажды. Она чувствовала, что внутри нитей течет какая-то сила. Когда она касалась их пальцами, они обжигали легким теплом. Когда она смотрела на готовое полотно, ей казалось, что она видит сквозь него свое собственное отражение, но искаженное, как в воде.

На третий день она сняла ткань со станка. Это был плащ. Он был необычной формы — широкий, ниспадающий складками, с глубоким капюшоном. Но главное — он был абсолютно прозрачным. Через него было видно все: стену, стол, даже пылинки в воздухе. Если повесить его на вешалку, он казался призраком одежды.

Хельга запаниковала. Бургомистр хотел плащ, который сделает его невидимым. Но этот плащ был просто прозрачным. Любой дурак сможет его увидеть. Он не скрывает тело, он просто... пустой.

— Что я наделала? — простонала она. — Он убьет меня. Он вышвырнет меня из города, и я замерзну в снегах.

В отчаянии она схватила плащ и выбежала на улицу. Ей нужно было показать его кому-то, чтобы оценить, может быть, кто-то увидит в нем то, чего не видит она. Она побежала к дому своей подруги Греты, но Грета была на рынке. Тогда она остановила первого прохожего — старого рыбака Олафа.

— Олаф! — крикнула Хельга. — Посмотри на этот плащ! Что ты видишь?

Олаф, слепой на один глаз, прищурился. Он посмотрел на плащ, который Хельга держала в руках, и его лицо изменилось. Он отступил на шаг, и выронил из рук удочку.

— Хельга, — прошептал он. — Что это? Это... это не плащ. Я вижу радугу. Ты держишь в руках радугу!

Хельга посмотрела на плащ. Ничего не изменилось. Он все еще был прозрачным. Но она заметила, что когда свет солнца падает на нее под определенным углом, прозрачная поверхность начинает искриться. Каждая нить, казавшаяся пустой, вдруг начинала преломлять свет, разбивая его на все цвета спектра. Голубые, желтые, красные, зеленые лучи плясали на прозрачной ткани, создавая сияющую дымку.

— Я вижу только блики, — сказала Хельга, озадаченная.

Но в этот момент к ним подошла маленькая девочка, дочь пекаря. Она посмотрела на плащ и захлопала в ладоши.

— Какая красота! — воскликнула она. — Это же небесная радуга! Это плащ счастья, мама рассказывала!

Хельга замерла. Плащ счастья. Это имя пришло к ней само собой. Она поняла, что, когда она ткала эту ткань, она думала не о том, чтобы сделать ее невидимой, а о том, чтобы сделать ее доброй. Она вкладывала в каждое движение станка свою надежду, свою доброту, свое желание помочь. И волшебные нити, оставленные духом, превратили эту надежду в реальность.

Этот плащ делал невидимой не саму одежду, не тело человека. Он делал невидимой злобу. Тот, кто надевал этот плащ, становился невидимым для тех, кто хотел причинить ему зло. Их глаза просто не могли его увидеть, потому что их сердца были полны тьмы. Но для людей с чистым сердцем плащ сиял всеми цветами радуги, как знак защиты и надежды.

Хельга побежала обратно в мастерскую. Она взяла плащ, завернула его в чистую льняную ткань и пошла к бургомистру.

Часть вторая. Дар горного духа

Бургомистр Штерн принимал ее в своем большом каменном доме, похожем на крепость. В гостиной горел камин, на стенах висели шкуры убитых медведей. Он сидел в огромном кресле, похожий на короля, и смотрел на Хельгу с холодным любопытством.

— Ну, показывай, — сказал он, потирая руки.

Хельга развернула ткань и достала плащ. В полумраке зала он казался просто куском стекла, сотканным из паутины. Он даже не отражал свет, а просто пропускал его сквозь себя, делая видимой стену за спиной Хельги.

Бургомистр встал. Его лицо побагровело от гнева.

— Это что? — заорал он. — Ты смеешься надо мной? Где плащ? Я вижу только воздух!

— Это и есть плащ, господин бургомистр, — ответила Хельга, стараясь говорить спокойно. — Он прозрачный. Но если на него падает свет, он переливается, как радуга.

— Какой свет? — прорычал Штерн. — Я тебя нанял, чтобы ты соткала невидимый плащ, а ты принесла мне пустоту!

Он схватил плащ и встряхнул его. И в этот момент луч солнца, пробившийся сквозь высокое стрельчатое окно, упал на ткань. Сначала бургомистр ничего не заметил, но когда он повернул плащ в руках, ткань вдруг засияла.

Тысячи микроскопических граней, которые Хельга случайно создала при кручении нити, начали отражать свет. И на стене, на полу, на лице самого бургомистра заплясали радужные зайчики. Огненные всполохи сменялись лазурными волнами, а затем появлялись изумрудные пятна. Плащ, который секунду назад казался пустым, заиграл, как живой калейдоскоп.

Штерн замер. Его рот приоткрылся от изумления. Он поднес плащ к самому лицу, и радужная дымка окутала его голову, окрасив седые волосы в сиреневый цвет. Он посмотрел на свои руки, которые держали ткань, и вдруг заметил, что его пальцы, касающиеся плаща, стали смутно видны, как будто сквозь них проступал невидимый свет. Он, конечно, не стал невидимым полностью, но тьма, которая собиралась в его сердце, начала отступать перед этим сиянием.

— Что это? — прошептал он, уже не злясь, а чувствуя нечто странное. — Что это за магия?

Хельга, увидев его изумление, набралась смелости.

— Я не знаю, господин бургомистр, — призналась она. — Три дня назад я отдала последнее, что у меня было, нищему старику, который умирал от холода. Он исчез утром, оставив мне эту пряжу. Я думаю, это был не простой человек, а горный дух. Он проверил мое сердце и оставил дар.

— Горный дух? — Штерн нахмурился, пытаясь осмыслить услышанное. — Это сказки для детей.

— Но плащ — не сказка, — ответила Хельга. — Я ткала его с мыслью о том, что он должен защищать от врагов. И, возможно, он так и работает. Он делает невидимой не одежду, а злобу. Тот, кто смотрит на тебя с ненавистью, не сможет тебя увидеть, потому что его глаза ослеплены радугой. Но для того, кто имеет чистое сердце, он сияет, как знак мира.

Бургомистр задумался. Он был человеком суровым и циничным. Всю свою жизнь он считал, что мир держится на силе, на золоте и на страхе. Но сейчас, глядя на переливающийся плащ в своих руках, он чувствовал странную легкость. Это была не магия, которая давит на разум. Это была магия, которая освобождала.

— Надень его на себя, — приказал он.

Хельга колебалась, но взяла плащ и накинула его на плечи. Мгновение — и она почувствовала, как по телу разливается тепло, не сравнить с обычным одеялом. Ткань была легкой, как воздух, но защищала лучше любой брони. Когда она подошла к зеркалу, она увидела в отражении не себя, а облако разноцветных искр, парящих в воздухе. Она была видна, но ее контуры размывались, таяли в радужном тумане. Все, что было в ней темного, грустного, испуганного, — исчезло.

Штерн подошел к ней. Он посмотрел на нее глазами человека, привыкшего видеть угрозу в каждом прохожем. Но сейчас он не видел угрозы. Он видел только сияние. И его собственная душа, в которой накопилось столько гнева и подозрительности, вдруг открылась. Он вспомнил,

как был молод, как мечтал о справедливости, как любил свою жену, которая умерла, и как ненависть к людям сделала его жестким. Впервые за много лет он почувствовал, что злоба в нем тает.

— Это работает, — тихо сказал он. — Я не вижу тебя как угрозу. Я вижу только свет.

Хельга улыбнулась. Она сняла плащ и протянула бургомистру.

— Тогда надень его на парад, господин. И никто, кто пришел с войной в сердце, не сможет причинить тебе вреда.

Бургомистр взял плащ, но не надел его сразу. Он посмотрел на Хельгу с новым чувством.

— Ты говоришь, старик был духом. А что, если нет? Что, если это просто совпадение? — спросил он.

— Тогда это чудо, — ответила Хельга. — Чудо, которое я не заслужила, но которое получила, отдав свое последнее.

Штерн кивнул. Он достал из кармана тяжелый кошелек с золотом и протянул ей.

— Это плата за работу. Ты получишь в десять раз больше, если плащ покажет себя на параде.

— Спасибо, господин, — сказала Хельга. — Но я прошу вас об одном.

— О чем?

— Не забывайте, что плащ сияет только в руках того, кто носит его с добрым сердцем. Если вы задумаете зло, он станет для вас просто куском холодной паутины.

Бургомистр нахмурился, но потом рассмеялся — впервые за долгие годы. Смех его был сухим, но искренним.

— Ты мудрая женщина, Хельга. Иди с миром.

На следующий день состоялся парад. Король въезжал в Олденбург на белом коне, окруженный свитой и охраной. Бургомистр Штерн шел впереди делегации, облаченный в прозрачный плащ, который сегодня, при ярком зимнем солнце, сиял так, что все горожане ахали и указывали на него пальцами. Он казался ангелом, спустившимся на землю. Каждая складка его одеяния излучала свет, а на лицах солдат, которые стояли в оцеплении, отражались радужные блики.

Но самое удивительное произошло, когда к королю подошел глава вражеской делегации — посол соседнего королевства, который тайно плел заговор. Он подошел к бургомистру, чтобы пожать руку, но вдруг замер. Его глаза расширились, он сделал шаг назад и пробормотал:

— Я... я вас не вижу. Вы как призрак. Где вы?

Бургомистр улыбнулся. Он понял, что посол задумал зло. Этот человек приехал не для мира, а для шпионажа и предательства. И магия плаща сделала свое дело — посол не мог его видеть, потому что его глаза были ослеплены ненавистью.

— Я здесь, — сказал Штерн, выходя из тени. — А ты, друг мой, видимо, потерял зрение.

Посол смутился и быстро отошел. Слух о странном плаще разнесся по городу мгновенно. Люди начали говорить, что бургомистр заручился помощью горных духов.

А Хельга стояла в толпе, смотрела на этот праздник и улыбалась. Она не думала о золоте. Она думала о том старике, который пришел к ней в ту метель. Кто он был? Может быть, он действительно был горным духом, или просто бедным путешественником, который оказался добрее, чем казался. Но не это было важно.

Важно было то, что когда она отдала свое последнее одеяло, когда она осталась без шерсти, без тепла, без надежды, — в ее жизни произошло чудо. Чудо, которое научило ее простой, но самой важной истине: когда отдаешь последнее без сожаления, мир возвращает тебе чудо. Возвращает не тогда, когда ты ждешь платы, а тогда, когда ты забываешь о себе.

Она шла домой по заснеженной улице, и в руках у нее был кошелек с золотом. Теперь она могла купить шерсти на два года вперед, накормить всех голодных в городе и починить старую крышу. Но главное — она поняла, что истинное богатство не в мотках пряжи и не в

золотых монетах. Оно в том, чтобы не побояться открыть дверь тому, кто стучит в нее, и отдать последнее, даже если сам замерзаешь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.